Где отец твой, Адам?

Автор:
Генри Олди

Где отец твой, Адам?

Генри Лайон Олди

Генри Лайон Олди

Где отец твой, Адам?

Разбито яйцо.

Опустела скрижаль.

Ржавеет под кленом обломок ножа.

И тайное жало терзает безумца:

«О, жаль…»

Кирилл Сыч

Сегодня у меня убили отца. Странно, что я так взволнован. Неприятное чувство: обыденность, случайное совпадение обстоятельств; причем каждое из них – не важней разбитой ненароком чашки. Но вдруг сердце начинает отчаянно колотиться, а по спине бегает холодная гребенка. Плотских отцов у меня убивали множество раз. В мятежном Льеже, когда толпа затоптала Хромого Пьеркина. У села Мисакциели двое грабителей обиделись на пастуха Ираклия – упрямец вцепился в барана, словно тот был его братом. В предместьях Бэйцзина, в дни бунта ихэтуаней, более известного как Боксерское восстание. В

Краковском гетто. Если начать вспоминать… Бывало, я сам, собственными руками, лишал родителя жизни. Нет, все-таки я волнуюсь. Разумеется, не жизни – тела. Физического существования. Сейчас почти все мои отцы здесь, со мной. Во мне. Те же, кого еще нет, вскоре присоединятся. Кроме этого.

Будь иначе – разве изменился бы мой пульс?

Я возвращался из школы. Первый раз в первый класс – самое удачное время и место для насилия. Жаль, ирония не помогает. Да и выглядит она, ирония, тускло. Горчит. Мама ушла заниматься похоронами. Она спокойна и уравновешенна, моя плотская мама. Она очень любила отца, и тем не менее: покой и равновесие духа. Впору позавидовать. Полчаса назад она вышла на связь: с крематорием все оговорено, венок заказан. Чувствовалось: случившееся волнует ее примерно так же, как порча любимого сарафана или разбитая чашка, сравнением с которой я злоупотребил минутой раньше. Она права. Или просто умеет блокировать лишние эмоции. А я не умею. Особенно – чуждые, тупиковые эмоции. Мне, в отличие от мамы, плотски родившейся до Искупленья, не приходилось этого делать. Вот и не научился.

Папа, зачем ты полез защищать Владика?

Ты же никогда не умел – защищать…

Детство – чудесная пора. Сейчас длится мое последнее детство: хрупкое, очаровательное, прекрасное самим угасанием, неповторимостью своей, и надо пользоваться каждой его минутой, каждой прохладной каплей. Скоро оно закончится. Начнется вечный рай, но детства там не будет. Хоть наизнанку вывернись – не найдешь. Почему мне кажется, что детство сегодня закончилось? Не хочу так думать. Не буду так думать.

Не бойтесь убивающих тело, душу же убить не могущих. Цитата неточная, но разве дело в этом?

Вот твои записи, папа. Лежат на столе, будто ждут возвращенья – твоего. А вернулся я. Один. Мы редко разговаривали на серьезные темы. С мамой мы были вместе, от момента рождения и до скончания веков, сшитые воедино иглой судьбы, а с тобой держались на расстоянии. По-моему, ты боялся меня, своего сына, все силы отдавая борьбе с язвой страха. Ну, пусть не боялся – побаивался.

Потому и не откровенничал. Давай пооткровенничаем сейчас. В одностороннем порядке. Ты будешь говорить, как опытный музыкант играет пьесу – прямо с листа. А я буду слушать. Теперь я боюсь тебя, папа. Побаиваюсь. Тайный голос подсказывает, что ты способен не только навсегда завершить мое прекрасное детство, позволив убить себя перед школьным двором. Ты в силах, дотянувшись из темноты, отравить мой будущий рай.

Иногда яд – ад. Верно, папа?

Давай, оживай. Хотя бы на минутку.

Искушение сильней благоразумия. Моя рука берет стопку из пяти исписанных тетрадок. От последней пахнет свежими чернилами, и еще, почему-то – яблоком. Зеленой, крепкой, надкусанной антоновкой.

Скулы сводит.

Кирилл Сыч: 1-е сентября..18 г., 11:32

…у меня проблемы во взаимоотношениях с жизнью.

Любовь без взаимности.

Причем, как это ни странно, взаимность отсутствует с моей стороны.

Из окна видны гаражи, тонущие в море зелени. Большая часть заброшена, тихо ржавея и предаваясь воспоминаниям. Полагаю, в их утробе легко найти остовы машин. Сколько нужно времени, чтобы «Хонда» или «Таврия» тихо сгнила на приколе? Год? Десять? Не знаю. Изредка, когда настроение становится похожим на женскую акварель, я пью чай и думаю: в случае катастрофы смерть гаражей выглядела бы совсем иначе. Развалины, клыки рваного металла, проломы, наспех сшитые лозой вьюнка. Разбросанная требуха автомобилей. Впрочем, тогда и дома вокруг были бы руинами. А так: ничего, дома как дома. Разве что три четверти квартир пустуют. Люди чертовски ошибались, полагая концом цивилизации – войну. Ядерный реквием. Инфаркт климата. Агонию геологии.

Астероид-убийцу. Экологическую катастрофу. Кризис перенаселения.

Все, что угодно, кроме утопии.

Мне тридцать шесть лет, я сейф, и утопия для подобных мне – тихое бульканье воды над головой. Пузыри на поверхности. Покой.

Топь.

Никогда не скажешь, что пейзаж, открывающийся из окна – двор в центре крупного города. Два дятла увлеченно долбят старый клен. Белочки мелькают в кронах, вспыхивая ослепительно рыжими хвостами. Птицы сыплют терциями. Цветут кусты-оккупанты, захватив львиную долю территории. Самим цветением своим утверждая: мы пришли ненадолго. Мы пришли навеки. Не знаю, что это за кусты и почему им вздумалось цвести в начале осени. Жасмин? Вряд ли. Сумасшедший жасмин, который цветет по собственному желанию, наплевав на смену сезонов, игриво ощетинясь ворованными у шиповниками иглами? Может быть. Аромат щекочет ноздри, отдаваясь в затылке сладкой истомой. Хочется спать. В последнее время мне все чаще хочется спать: утром, днем… Вместо простейшего решения – отправиться баю-бай в незастеленную кроватку – продолжаю смотреть в окно. Сосед Пилипчук выгуливает болонку Чапу, похожую на измочаленный клубок шерсти. Он не сейф, как я. Обычный, из большинства. Просто, когда все началось, Пилипчуку стукнуло шестьдесят, а старики подозрительно относятся к новшествам. Из-за этой подозрительности, оставшейся у соседа по сей день, Пилипчуку не повезло. Так он и доживает свой век: псевдо-сейфом. Верней, век доживает тело Пилипчука. А душа – она, знаете ли, бессмертна. Согласно фактам, подтвердившим сей сомнительный тезис. Болонка же – истеричная дура. Но Пилипчук ее любит. Еще он любит гулять с правнуками, но правнуков у него нет. Внуки выросли, а правнуки не родились. Изредка я останавливаюсь покурить с соседом, и тогда мне приходится долго выслушивать исповедь в любви к несуществующим правнукам. Болонка в это время скулит у ног, притворяясь правнучкой. Потом я иду вдоль переулка, а спину мне буравит исполненный зависти взгляд.

Я везунчик. У меня есть сын. Адам Кириллович Сыч.

Сегодня, первого сентября, Адам пошел в школу.

В первый класс.

Сколько сейчас школ в городе? Три? Две? Наверное, вопрос следовало бы поставить иначе: сколько населения осталось в некогда двухмиллионном городе? Я не уверен, что больше пятисот тысяч. Меньше. Существенно меньше. А на Земле, мутирующей в райские кущи? Одни говорят: популяция сократилась впятеро. Другие увеличивают сокращение, жонглируя цифрами. Но если мерить другими мерками, малодоступными для сейфов, населения окажется – тьмы и тьмы. Просто этому населению-исполину не нужны квартиры, гаражи и школы. Им даже тела не нужны. Вот какие они неприхотливые. Мой Адам пошел в школу, и вместе с ним (в нем?!) за парту сели тысячи. Вполне помещаясь за одной партой. В тесноте, да не в обиде.

Один дятел улетел.

Второй продолжает стучать.

Зачем я достал эти тетради? Разбросал по столу, вяло глядя на выцветшие от времени обложки. Самой старшей – почти четырнадцать лет. Помню, мне казалось признаком аристократизма делать записи от руки, фиолетовыми чернилами. А эпиграф к первой тетради начертан (о ужас! – именно начертан …) фломастером. Желтым. Наверное, я подобрал эпиграф позже. Хотя не уверен. Я вообще не уверен, что знал в ту пору о существовании римлянина Сенеки. Кажется, спектакль «Театр времен Нерона и Сенеки» – жестокую, мудрую, болезненную притчу! – увидел только через год. Даже рецензию для «Вестей» делал… Нет, не вспомнить. Цитата случайно подвернулась в книге афоризмов? Скорей всего. Иногда кажется: это не я. Кирилл Сыч давно минувших дней, самовлюбленный юнец с почерком, лихо сбитым набекрень, которому лень было даже почистить наивный текст от повторов и корявостей – а ведь полагал в будущем сделать книгу, бестселлер, пищу для умов! Сейчас я бы многое переписал заново, если бы впрямь делал книгу. Жаль, книга закончилась, не начавшись. Пусть остается, как есть: пять тетрадок, зафиксированный мимоходом путь становления почерка.

Перечитаю с начала.

Улыбнусь, глядя в кривое зеркало времени.

Днем Адам вернется из школы, Ванда угостит нас пирогом, и я торжественно сожгу тетрадки. Возглашу тост в похвалу глупости. Своей глупости, естественно. Но это будет позже. Ночью я стану жалеть о поступке, опрометчивом и непростительном. Я знаю это, но все равно сожгу тетрадки. Они надоели мне. Напоминают о прошлом. О временах, когда мы презрительно именовали массу обывателей «интеллектуальным большинством», себя же тайком представляя элитой, кухонными избранниками, – даже не догадываясь, что придет день, тихий, малозаметный, как тать в ночи, заставив нас мучительно страдать из-за невозможности присоединиться к большинству, искупившему грехопадение. Окруженные любовью и заботой, словно умирающие родственники, мы… Ненавижу слово «мы». Возможно, потому, что в этом слове мне больше нет места. Возможно, потому, что это слово уходит в небытие, уступая сцену возвышенному «Я», настолько огромному, что воображение сейфа бессильно себе его представить.

В безымянных кустах мяучит кошка: серая в полоску.

Закрываю окно.

Тетрадь первая

Время и до нас, и после нас не наше.

Ты заброшен в одну точку; растягивай ее —

но до каких пор?!

Сенека

Ванда, как всегда, оказалась на высоте. Любимая шутка семьи – цитата из древнего кулинарного талмуда: «Для салатов „Оливье“ или „Паризьен“ возьмите дичь (рябчика, фазана, тетерева, куропатку), маслины „Зизи Кокот“, раковые шейки…» Рябчиков с фазанами пришлось заменить «Докторской», маслины – соленым огурчиком, а раковые шейки – зеленым горошком, но внушительный тазик опустел почти сразу. Губы залоснились от майонеза, животики приятно

оттопырились. Следом, по протоптанной дорожке, пошел мил-друг винегрет. А на кухне, в духовке, ожидая триумфального выхода, томился горяченький пирог – «Куча мала», фирменный рецепт Вандиной мамы. Кирилл втихаря зажевал кусочек, спровоцировав семейный скандал, но гости уже стояли на пороге, и Ванда сменила гнев на милость. Зато теперь можно не глотать слюнки в предвкушении.

Молодой муж сыто икнул: не рассчитав сил, успел объесться «оливье».

Кстати, в заначке есть еще полкастрюли…

Гулялось двухлетие свадьбы. «Ситцевое» или «льняное» – Кирилл вечно путался в названиях. Помнил лишь, что «золотая» явно на склоне лет. Собрались старые друзья (хотя какие там «старые»?! – все вчерашние дипломники…), отдавая должное последнему «школярскому» застолью. Немудреные закуски, кислый рислинг, шутки, смех, песни под гитару… Впрочем, гитара пока скучала в чехле, зато Мишель, крививший губы от одного вида «сухаря», успел откупорить принесенную контрабандой бутылку «Пшеничной».

– Эх, надерусь! – радостно потер руки Эдик, наполняя бокал минералкой.

Хитрый Эдик спиртного не пил. Вообще. Даже пива. Зато на виске у него прилепился «патник», позволяя наслаждаться общей эйфорией и потихоньку пьянеть, совершенно не опасаясь утреннего бодуна.

– Халявщик! – возгласил Мишель, разливая водку.

– Наоборот! Благодетель! Вам же больше достанется, алкаши!

– Упырек ты, Эдя! Насосешься нашей кровушки, и баиньки…

Подобный обмен шпильками давно стал своеобразным ритуалом. Мишель с Эдиком были, что называется, на ножах с первого курса, тщательно скрывая этот факт. Со стороны посмотришь: шуточки-подковырки закадычных приятелей. Гигант-Портос рядом с изящным Арамисом. Еще раз посмотришь. Еще… И однажды поймешь: количество неприятно перешло в качество. Над каждой шуткой висит темненькое облачко, и лучше махнуть рукой. Не обращать

внимания. Особенно это усилилось, когда Эдик – первым из компании! – раскошелился на «патник». Тогда и словечка такого не было: «патник». Только-только входившие в моду эмпатические коммуникаторы «Эмпаком» называли по номерам моделей: «Сэнсит-002», «Сэнсит-003»… Сейчас у Эдика красовалась «пятерочка-спец», с расширенным спектром восприятия и эманации.

Хорошо, однако, иметь богатеньких предков!

Как всегда, вспоминая о предках, Кирилл слегка взгрустнул. Родители Ванды вечно обещаются в гости, но с их здоровьем вряд ли выберутся из далеких Збышевцев. Опять же, визы оформлять: старикам любой чиновник хуже Страшного Суда. А мама самого Кирилла, после того, как отец в одночасье сгорел от инфаркта… Эй, хватит печалей! Праздник в доме! И, тем не менее: с одной стороны, нет классических проблем типа «зять-теща» или «невестка-свекровь» – но пойдут дети, и без любимых бабушек с пирожками…

Кому-то придется работу бросать. Или на няньку горбатиться.

– Итак, третий тост банален, как банальна сама любовь! За наших молодых! – басом объявил Мишель. Рюмка, утонув в его лапище, притворялась наперстком. – За чувства, не нуждающиеся в костылях техники! За вас, ребята! Горько!

– Горько! Горько!

– Раз! Два! Три!.. Десять!.. Одиннадцать!..

– Двадцать один!..

– Сто! Тысяча! Они до утра целоваться могут, я их знаю!

«Наши молодые» с трудом разомкнули объятья. Ванда разрумянилась, глаза блестели – она была чудо как хороша, и Кирилл еле удержался, чтобы снова не наброситься на жену с поцелуями. Если бы не гости, не теснота малогабаритки… Впрочем, гости уйдут, а они останутся. Вся ночь впереди, завтра выходной, можно отоспаться всласть. Молодец, Мишель. Хороший тост сказал. Правильный. Как «патники» в моду вошли, многие пары, подав заявление в загс, спешили обзавестись «Сэнситами». Походят месяц-другой, сроднятся духовно, выражаясь

высоким штилем… Кирилл с Вандой тоже хотели попробовать. Все хвалят, языками цокают, а магазин «Весна» по телику рекламу гонит: брачующимся 50 % скидки! Вот тут-то и выяснилось, что Кирилл – «невосприимчивый». Или, как позже окрестили подобных ему, сейф. Человек в футляре, вещь в себе. Не работал у него «патник»: хоть на прием, хоть на передачу. Нейроэлектронщик из сервис-центра объяснил: бывает, мол. Вы, молодой человек, не расстраивайтесь, ничего страшного. Для семейной жизни это дело необязательное, там больше другое дело в чести. Просто у вас… Тут он явно сел на любимого конька и долго вещал про совмещение альфа-бета-гамма-ритмов, наложение синапсов, стандарт резонансных частот-модуляций… У Кирилла в итоге создалось впечатление, что консультант и сам толком не знает, отчего у одних людей эмпат-коммуникаторы работают, а у других – нет. И никто не знает.

Таких, как Кирилл, по статистике оказалось тринадцать процентов. Плюс-минус корень квадратный. Причем нельзя было сказать, что «патники» отказывали исключительно у твердолобых тупиц. Или, наоборот, у утонченных эстетов. Это вроде абсолютного слуха: поди-пойми, почему Иванову медведь на ухо, а Хейфец четверть тона ловит. Шанс угодить в «сейфову дюжину» имел любой. Самым, можно сказать, демократическим образом: по теории вероятности.

Кириллу просто не повезло.

Поначалу он изрядно расстроился. И Ванда, чувствуя его угнетенность без всякого «патника», поспешила дать обещание: когда они вместе, обходиться без коммуникатора. С тех пор она действительно очень редко надевала крупные черно-белые клипсы «Сэнсита-004». Кирилл пытался отговорить ее: «Зачем лишаться новых ощущений?» – но Ванда стояла на своем, и он отступился. В глубине души испытывая благодарность к жене. Не то чтобы чувствуешь себя ущербным, но все-таки… Сейф? «Черный ящик» без входа-выхода?! Словно глухонемой среди нормальных людей. Едва не закомплексовал на этой почве. Спасибо жене…

Вот и сейчас Ванда оставила клипсы в шкатулке. В отличие от большей части гостей. Вон, Шурик с Алиной, зимой обвенчавшиеся в настоящей церкви, и хохотушка Томочка, и Илона с новым кавалером – толстеньким врачом; и, само собой, хитрюга-Эдик. Зато Мишель «патник» не носит принципиально. Утверждает, что для его «чувствительной и тонко организованной натуры вредны усиленные посторонние эмоции». Ибо, значит, способны легко нарушить хрупкое душевное равновесие. В устах Мишки Савельева, конопатого медведя-

растрепы; Мишеля, числившегося на курсе символом непоколебимого спокойствия; Мишунечки, который пьет водку не пьянея, кого отродясь не видели раздраженным или подавленным… Короче, именно в его устах фраза о «хрупком душевном равновесии» звучала с особенной прелестью. Но тесты на эмпатию Савельев прошел играючи.

Молодчина Мишель. И насчет «чувств без костылей», и вообще.

Отличный парень. Свой в доску.

– Кирюш, водочки?

– Не-а…

– Ну за компанию! Кирнем по маленькой?!

– Не хочу. Ее, матушку, закусывать надо, а я скоро лопну… Мишель, дай гитару!

Увы, Эдик еще раньше добрался до дистанционки, врубив телик. Кирилл хотел шикнуть на «возмутителя спокойствия»: телевизор во время застолья – последнее дело. Но на экране возник моложавый дядечка с залысинами, и Илонин кавалер («Вадим», – имя пробкой вылетело из памяти) удивленно выдохнул:

– Ух ты! Мой шеф! Решился-таки… – и прилип к экрану.

– …не побоюсь этого слова – просто преступно, – вещал меж тем Вадимов шеф, мерцая стеклами очков. – Опыты, проведенные на добровольцах, закончились весьма плачевно. Да, разработанные «Эмпакомом» экспериментальные модели телепатических, иначе ментальных, коммуникаторов работают. Это факт. Таким образом, прямая передача мыслей – подчеркиваю: именно мыслей, логической и образной информации в совокупности! – была осуществлена на практике. Однако мыслепередача вызвала у реципиентов совершенно чудовищные побочные эффекты на уровне сильнейшей психопатологии. Как установили независимые эксперты, мозг человека бессилен контролировать поток невербальной, неопосредованной информации. На реципиента обрушивается хаотический выброс, большая часть которого транслируется донором

подсознательно. Лишенный ориентиров, при полном отсутствии естественных фильтров, мозг реципиента воспринимает чужие мыслеобразы, как свои собственные, в результате чего развивается сложнейшая форма шизофрении с множественным расщеплением сознания и личности…

– То-то я думаю: почему реклама телепатеров скисла? Еще с ноября, – вслух прокомментировал Эдик, заглушив последние слова оратора. – Дулю им, а не телепатию! А врали: военные лапу наложили, засекретили…

– Я слышал, конкуренты прижали…

– Да тише вы! Дайте послушать. Это серьезно.

– …попытки лечения реципиентов не увенчались успехом. Тем не менее, игнорируя рекомендации специалистов, руководство «Эмпакома» намерено продолжать эксперименты с ментальной связью. В этой ситуации мне и ряду моих коллег не осталось ничего другого, как обратиться к широкой общественности через средства массовой информации. Я врач, я давал клятву Гиппократа!.. в конце концов, я гражданин, я просто человек!.. и спокойно наблюдать, как на алтарь корысти…

– А ведь и правда, серьезно… нервничает…

На экране возникла фигуристая блондинка-ведущая. Стрелы ресниц (накладные?), заученный рефлекс улыбки. Наивный, незамутненный мыслью взгляд голубых глаз, сквозь которые при желании, наверное, можно увидеть заднюю стенку черепа.

Красавица.

– Но Вачаган Арсенович! Позвольте! Ведь в свое время и «патники»… ой, простите! – эмпатические коммуникаторы тоже считались вредными? Может быть, история всего-навсего повторяется?

Камера вновь нащупала дядечку с залысинами. На этот раз его сопровождала бегущая строка: «Проф. Казарян В. А., доктор психологии, зав. региональным НИЦ „Эмпаком“.

– Я был бы только рад, окажись мои опасения беспочвенными. Черт возьми, я бы сплясал на столе, случись так!

Профессор, вдруг став похож на безумца-абрека, закусил губу. Чувствовалось: спокойный деловой тон дается ему большой кровью. Куда легче было бы сорвать галстук, скинуть пиджак и, обнажив верный кинжал, броситься резать экспериментаторов, словно бешеных собак. Но гнев полыхнул дальней зарницей, раскатился громом – и ушел за горизонт.

Очки.

Тугой узел галстука.

Размеренная, убедительная речь почти без акцента.

– Однако на сей раз мы располагаем реальными фактами, в то время когда вокруг эмпат-коммуникаторов ходили лишь ничем не подтвержденные слухи. Даже на стадии лабораторных испытаний приборов серии «Сэнсит» не было выявлено никаких побочных эффектов. Теперь же нами накоплен огромный статистический материал, однозначно подтверждающий: эмпатические коммуникаторы совершенно безвредны. Более того, они успешно применяются при лечении тяжелейших депрессий, нервных расстройств, различных фобий, и даже наркомании с алкоголизмом. А об их использовании в быту вы наверняка осведомлены не хуже меня. Но ментальный коммуникатор – это нечто принципиально иное! Повторяю, это устройство крайне опасно для психики человека! Я могу привести полученные в ходе исследований данные…

В памяти всплыла февральская статья, подготовленная Кириллом по заказу еженедельника «Горизонты бизнеса». До окончания института оставалось еще полгода, но к нему, дипломнику журфака, все чаще обращались различные издания. Поначалу откровенно «желтые», но позднее – более солидные, вроде тех же «Горизонтов…». Платили сносно. Кирилл даже начал подумывать: а не взять ли свободный диплом?

Статья была о сферах применения «патников». Для Кирилла, врожденного сейфа, написать ее стало делом чести. Поработал на совесть: торчал на молодежных дискотеках, где тинейджеры с «патниками» за ушами, в ушах, в волосах, на затылке, балдели от счастья, подзаряжаясь от тусовки «драйвом»;

на стадионах, когда половина трибун с восторженным ревом вскакивала в едином порыве, едва центр-форвард «Металлиста» засаживал мяч «в девятку». Общался с влюбленными, с молодоженами, с врачами-психиатрами и невропатологами; вошел в доверие к юнцу – начинающему наркоману, выяснив из первых рук: «ловить кайф» стало куда проще, дешевле и безопаснее. Собирается компания любителей забить косячок или нюхнуть, берут одну дозу на всех, цепляют «патники», усаживаются кружком… Один «долбится», а кайф ловят все. Пусть опосредованный, фильтрованный, на «голых эмоциях», но все-таки… С жесткой наркотой такие шутки не проходили, но с травкой и даже с морфием – вполне. Эйфория транслировалась запросто. Между прочим, лечили наркоманов по весьма сходной методике. «Толкачи», ясное дело, были не в восторге: спрос на легкую отраву неуклонно падал. Ходили слухи, что готовится законопроект о легализации слабых наркотиков с продажей их в аптеках по «групповым заявкам».

Статья получилась на славу. В номер прошла с первого раза, почти без правок. А главред «Горизонтов…» обещал, как возникнет надобность, непременно связаться. Можно гордиться. У сейфа получилось! Еще и получше, чем у коллег с «патниками». Читал он подобные статейки в других изданиях – чушь, бумагомарание…

И сейчас Кирилл почуял тему! Острую, сильную, потенциальную сенсацию. Крах проекта телепатической связи от «Эмпакома», выступление руководителя исследовательского центра с публичным разоблачением… Фарисей Савл, побиватель христиан, на глазах почтенной публики линяет во вражеский лагерь! Секс-бомбу из телика пора гнать в шею: профессор доброй волей к ним пришел, тут лови момент, жми по максимуму, а она виляет разговором, будто сучка – хвостом… Статья статьей, но видно же: у человека душа болит! Отчего не помочь чисто по-человечески?!

– Вадим, слушай… Он что, прав? Это действительно опасно?!

Илонин кавалер вздрогнул от неожиданности. Передача близилась к финалу, ведущая хлопала ресницами, загадочно улыбаясь Казаряну, и Вадим наконец оторвался от экрана.

– Прав. Я его ассистент. Насмотрелся на этих добровольцев… Камикадзе, блин. Глаза горят, улыбки до ушей – как же, телепатия! Мысли, блин, читать! Я! Первый! Без мыла!.. А теперь?

– Что – теперь?

– Все теперь. Глаза пуговицами, изо рта слюна капает. Собачки Павлова. Бормочут без умолку, иногда на трех языках сразу. Некоторые, блин, вообще под себя ходят. Другие держатся, но в башке – полный бардак. Что такое множественная шизофрения, представляешь?

– В общих чертах.

– В общих, блин… Расщепление личности на ряд псевдо-самостоятельных субличностей. На ряд, понимаешь?! А тут не ряд! Тут шеренгами, повзводно! Бум в истории психиатрии, блин… Наши умники намылились по-быстрому диссеры клепать. Полное, черт бы его побрал, самообеспечение! Сами шизофреников плодим, сами изучаем. А людей больше нет, понимаешь?! Не люди они теперь. Короче, Казарян (мы его Горцем прозвали) полез на амбразуру: один, блин, останусь, а гадов придушу! Знаешь, что после этой передачи начнется?!

Кирилл отхлебнул рислинга.

– Ни хрена не начнется, Вадюша. Спустят на тормозах. Если в деле большие бабки…

– Вот и я так думаю, – разом скиснув, протянул Вадим. – Добровольцы подписку давали, о возможных последствиях. В здравом уме и трезвой памяти… Значит, Вачагану Арсеновичу кранты! Да и меня, пожалуй, выпрут. Хрен с ним, с центром. Сам бы все равно ушел! На этих Менгеле пахать…

– Ребята, хватит о работе!

Странно было не то, что Илона наконец возмутилась. Странно, что она не сделала этого намного раньше.

– Задолбали! Мишель, доставай гитару…

Позже, когда Вадим выбрался на балкон покурить, некурящий Кирилл вышел за компанию. Договорились быстро. Познакомить с профессором Казаряном? Отлично! Горцу сейчас нужна максимальная огласка. Конечно же, Вадим с

радостью…

Расходиться гости начали за полночь. Охрипнув от песен, крепко выпившие. О телепередаче никто не вспоминал. Даже Кирилл. Посуду они с Вандой мыть не стали, оставив на завтра. Успеется. Им сегодня не терпелось. Обоим. Как в первый раз… «Или в последний», – мелькнуло совершенно некстати. И исчезло. Вместе с остальными мыслями. Гулкое биение двух сердец. В такт. В унисон. Сладкий – стон? вздох?

Звезды заглядывали в форточку.

Через два дня, беря интервью у Казаряна, Кирилл и помыслить не мог, что вскоре выяснится: профессор ошибся. Хочется добавить: «К счастью, ошибся», – но язык не поворачивается. «К сожалению»? Тоже, вроде, мимо…

У телепатического проекта «Эмпакома» неожиданно открылось «второе дыхание».

Кирилл Сыч: 1-е сентября..18 г., 11:54

…забавно.

Тайна за семью печатями: почему я решил вести записи от третьего лица? Игра ума? Или страх оказаться голым «Я» перед толпой? Хотя толпа предполагалась лишь втайне… Но хотелось. Ах, как хотелось: вы видите! это он! автор того самого… Знал бы, во что выльется, – вовсе не начинал бы. Зато теперь мне дарована возможность закончить. Спички и маленький костерок. Что горит, принц?

Слова, слова, слова.

Представляю лица сотрудников чертова «Эмпакома», когда они поняли, что судьба, повернувшись к ним задницей, вдруг наклонилась, задрала подол и сказала: «Ладно, ребята! Хрен с вами. Пользуйтесь…» Уже позднее набежала

куча мала академиков – разъяснили, подтвердили, сделали умный вид. А поначалу крестные отцы ментал-коммуникации чувствовали себя, мягко говоря, скверно. Заставить прогресс прыгнуть выше головы – и увидеть, что твое изобретение способно лишь плодить психов. Швейцарец Бауэр, глава проекта, запил. Кое-где начались митинги протеста: вялые, больше для рекламы митингеров, чем от реального возмущения. Через полгода о неудаче вообще забыли. Пресса переключилась на подавление бунта в Катманду, телевидение смаковало бурные разводы звезд. И вдруг, громом с ясного неба: эврика!

Сперва не поверили.

Но когда трезвый, как стеклышко, Бауэр в присутствии своего заклятого друга Казаряна явил «городу и миру» бывших шизофреников, якобы пострадавших от экспериментов… Журналисты стали охотиться за каждым из отставников-реципиентов, как изголодавшийся кроманьонец – за жирным мамонтом. Или за кем он там охотился, этот кроманьонец, если жрать хотел. Оказалось, в башке у братцев-сапиенсов есть такая маленькая штучка… Честь открытия «штучки» принадлежала мятежному профессору Казаряну. Из ревностного сотрудника «Эмпакома» став яростным защитником угнетенных реципиентов, Горец все силы бросил на поношение былых соратников и поиск методов лечения для пострадавших. А сил у Вачагана Арсеновича оказалось изрядно, равно как и ума понять в конце концов, что с борьбой пора завязывать. Наблюдение вкупе с реабилитационными процедурами показало: выход рядом. Главное – не мешать. Да, действительно: мозг и впрямь не способен справиться с приемом чужой информации, отягощенной образным и эмоциональным фоном. Поначалу не способен. Как ребенок надорвется, подымая мамочку, – но дитя растет, бегает трусцой, «качает железо», вскоре таская родительницу по квартире за милые веники! И псевдо-шизофрения, расслоение личности, – защитная реакция. Временная броня, дающая мозгу возможность перестроиться, включить программы, дремавшие в нем до изобретения ментальных коммуникаторов, живо прозванных «ментиками». Пройдя стадию «расслоения», отставные реципиенты научились выделять группу узкоспециализированных субличностей, каждая из которых без вредных последствий контачила с донором-передатчиком. С десятком доноров. С сотней. И поговаривали, что предела этому нет. Кстати, по первому, совершенно рефлекторному желанию «хозяина» субличности, имя которым – легион, мгновенно интегрировались в общую, базовую.

Мозг привыкал, становясь похожим на руки пианиста.

Время адаптации – полгода. Не годится. Внесли коррективы в технические установки «ментика». Время адаптации сократилось до двух месяцев. Подключили психологов, бросили все силы на разработку программ, позволяющих ускорить запуск «рефлекса Казаряна». Ускорили – месяц. Какой-то далай-лама предложил медитативный тренинг «Древо Бодхи», заявив, что готов способствовать приходу в мир новых архатов. В «Эмпакоме», переименованном в «Ментат Интернешнл», к далай-ламе отнеслись с пониманием. Исследовали, проверили, добавили. Древо Бодхи пустило корни. Зазеленело. Расцвело.

Время адаптации – около недели. Говорят, есть шанс сократить еще чуток.

Вот она, вторая тетрадка. Я вернулся к записям через шесть лет после интервью Казаряна. Вернулся другим человеком: помнится, в отличие от деятельного юнца, тогда меня увлекала, будь она неладна, психологичность текста. В ущерб сюжету и прочим интригам. Мои материалы стали излишне длинными – редактора бранились, сокращая. Видимо, здесь я собрался реализовать «новые веяния» без чужого карандаша.

Когда я перелистываю страницы, изнутри выпадает огрызок листа для принтера. Кружится бабочкой-капустницей, падает на пол. Поднимаю, вчитываюсь в безликий машинный шрифт:

…Зима скатилась к февралю,

И, напоследок огрызаясь,

Вчерашний волк,

Сегодня – заяц,

Готовится почить в раю.

Очень кстати. Откуда взялся февраль, если на дворе стояло лето?

Хоть убей, не помню – кто такой Индж, чью фразу я поставил эпиграфом.

Тетрадь вторая

Когда прародители бежали из рая, Адам, вероятно, сказал Еве:

«Дорогая, нам выпало жить в переходный период!»

Уильям Индж

Зубная паста закончилась весьма не вовремя.

Выдавив из тюбика «Blend-a-med» жалкие остатки, Кирилл рьяно орудовал щеткой. Сказывалось напряжение, не отпускавшее с прошлого четверга. Десна на месте двух выпавших зубов слегка кровоточила. Надо сходить к стоматологу. Надо. Но позже. Он лукавил, зная: это «позже» будет тянуться до последнего. Всегда боялся боли, вторжения в святыню тела. Не по-мужски? Настоящий мачо запросто отгрызет себе лодыжку, лишь бы не показаться трусом. А мы и с лодыжкой… Так, теперь побриться. Хочешь быть красавцем? – запросто.

Мачо – они в придачу бреются редко. Со щетиной ходят.

Голуби-сизари.

Сегодня Ванда вернется из тест-центра. После разлуки – домой. После огромной, чудовищной, невероятной разлуки в целую вечность: пять дней. Когда сам уезжаешь в недельную командировку, собирая материал или желая урвать эксклюзив-интервью, не испытываешь ничего особенного. Знаешь, что жена дома, что она ждет… Есть большая разница: когда ждут тебя, и когда ждешь ты. Очень большая. Покидая дом, ты движешься, покупаешь билеты, ешь сваренные вкрутую яйца, посыпая их солью, говоришь с попутчиками о пустяках, теряешь взятые в дорогу шлепанцы, встречаешься с людьми, возвращаешься, наконец. Поток жизни не прерывается, создавая иллюзию постоянства. Зато отсутствие любимого человека, пусть короткое… Ждешь, ждешь, ждешь, утопая в бездействии – что бы ты ни делал при этом, бездействие неотвратимо, как похмелье после недельного запоя! – в полной уверенности, что вернется кто-то другой, подменыш, восковая кукла с глазами-пуговицами, и никаким делам, никакой водке не выбить этого странного и страшного ощущения. По идее, если верить рассказам приятелей, следовало устроить загул. Праздник одинокого мужчины. Навести баб, учинить дым коромыслом и сейчас спешно выносить на помойку пустые бутылки и мятые лифчики, испещренные предательскими

отпечатками пальцев. Матерясь, опаздывая в тест-центр и с ужасом представляя грядущий скандал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/genri-oldi/gde-otec-tvoy-adam

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить